УДК 811.511.131, 811.512.145

Ф. И. Тагирова
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ
г. Казань
Л. В. Акулина
Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирясова
г. Казань

Специфика функционирования колоративной лексики в разговорно-бытовом дискурсе

В статье рассматривается функционирование цветообозначений в удмуртском и татарском языках как в качестве самостоятельных единиц, так и в составе сравнений, фразеологизмов, пословиц. Внимание авторов сфокусировано на анализе употребления колоративов в разговорно-бытовом дискурсе. Авторы исследуют, в частности, модели, сочетаемость, функциональный потенциал колоративов в речи удмуртского и татарского языковых коллективов. Особое внимание уделено вопросам анализа активного употребления колоративов, отражающих национально-культурную специфику и реализующих эмоционально-экспрессивную окраску. В результате исследования выявлены наиболее частотные модели, участвующие в создании новых колоративов для обозначения оттенков и сложных цветов.

Ключевые слова: цвет, цветообозначение, колоратив, разговорный дискурс, удмуртский язык, татарский язык.

Научный интерес к цветообозначающей лексике не иссякает на протяжении многих лет, несмотря на значительное количество теоретических работ, посвященных самым различным аспектам проблемы языковой реализации цветового восприятия. Особенно актуальными остаются работы в русле лингвокультурологических изысканий. Ранее в некоторых работах нами также затрагивались отдельные вопросы функционирования данного пласта лексики в татарской и удмуртской лингвокультурах [Tagirova, Chumarina, Akulina 2016; Тагирова, Акулина 2017].

Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования цветообозначений в разговорно-бытовом дискурсе удмуртского и татарского языков. Источником фактического материала послужили труды удмуртских и татарских лингвистов, некоторые словари, где так или иначе зафиксированы образцы живой речи. Кроме этого, авторы опирались на собственные наблюдения за речью носителей, в частности жителей с. Верхняя Шунь Кукморского района Республики Татарстан.

Анна Вежбицкая утверждает: «‘цвет’ – это не универсальное человеческое понятие. Оно, конечно, может возникнуть в человеческом обществе так же, как, скажем, ‘телевидение’, ‘компьютер’ или ‘деньги’, но даже несмотря на постоянное увеличение контактов между человеческими сообществами, все равно среди них есть такие, в которых нет ни заимствованного, ни собственного понятия ‘цвета’ (и, безусловно, таких сообществ было еще больше в прошлом)» [Вежбицкая 1996: 231]. Мы также поддерживаем ее мнение, что «языковая концептуализация различна в разных культурах» и задаемся целью обнаружить элементы сходства, которые она тоже допускает, и особенности, которые формируются под воздействием окружающей носителя языка культуры.

С точки зрения структуры в разговорной речи удмуртского народа активно используются простые слова-цветообозначения, например: *сьӧд* ‘черный’: <…> *сьӧд музъемез ӵабъяса* <…>[1] [Кельмаков 2015: 194] ‘царапая черную землю’; *тӧдьы* ‘белый’: *тӧдьы кышет* ‘белый платок’; *лыз* ‘синий’: *лыз печатӗ бумага* [Кельмаков 2015: 56] ‘бумага с синей печатью’; *луд* ‘коричневый’: *луд азькышет* ‘коричневый фартук’; *шемеке* ‘фиолетовый’: *шемеке сӥньыс* ‘фиолетовые нитки’; *голькыт* ‘розовый’: *голькыт дэрем* ‘розовое платье’ и др. Интересно, что лексема *голькыт* зафиксирована в словарях не в первичном значении ‘розовый’, а только в переносных – ‘приторный, слащавый’. Иначе говоря, наблюдается не только увеличение корпуса колоративов, но и развитие их семантики, в частности в сторону расширения и абстрагирования. В татарском языке примером такой семантической трансформации может служить слово *яшелле-зәңгәрле*, означающее в прямом значении ‘зелено-голубой’, а в переносном, применительно к голосу – ‘неприятный, режущий слух’.

Сфера функционального использования колоронимов очень широка и не ограничивается простыми словами. Исследователь В. К. Харченко отмечает: «Язык требует личного участия, освежения и обновления своих фондов, своих сокровищ. И здесь в пространстве средств, “инструментов” открывается широчайшее поле возможностей» [Харченко 2012: 157]. Полностью солидарны с ученым во мнении и считаем, что креативность носителей языка основывается на специфике речевого творчества, заключающегося в «компонентах уже имеющегося языкового опыта» каждого сообщества. Для современного разговорного стиля также является характерным образование новых единиц сложившимися словообразовательными способами и моделями, на базе слов, уже существующих в языке. Действительно, в разговорной речи активно используются ресурсы номинации для создания лексических средств для вербализации

[1] Здесь и далее примеры из трудов В. К. Кельмакова, зафиксированные им в фонематической транскрипции, приводятся нами в современной орфографии.

результатов цветового восприятия. Креативное мышление проявляется в создании новых, иногда нетривиальных, окказиональных названий цвета как в удмуртском, так и в татарском языках.

Прилагательные цвета служат не только напрямую для обозначения одного цвета, но и для разграничения цвета по его интенсивности, обозначения сложных оттенков и т. д. Для этого в полной мере используется формообразовательный и словообразовательный потенциал обоих языков. Так, в речи можем наблюдать цветообозначения в сравнительной степени, образованные с помощью суффиксов *-гес*, *-гем: тӧдьыгес / тӧдьыгем* ‘более’: *тӧдьыгес пужыятэм жӧккышет / тӧдьыгем пужыятэм жӧккышет* ‘более белая вышитая скатерть’; *сьӧдгес* ‘чернее’: *сьӧдгес басма* ‘более черный ситец’; *гордгес* ‘краснее’: *гордгес персик* ‘более красный персик’ и др.

В татарском языке аффиксом сравнительной степени является *-рак / -рәк: кызылрак* ‘краснее’; *көрәнрәк* ‘коричневее’ и т. п.

В удмуртском языке для выражения значения наличия оттенка используются производные цветообозначения, образованные различными способами. Активными для разговорной речи являются, например, образованные при помощи аффиксов *-алэс*, *-пыр, -пыръем*: *сьӧдалэс* ‘черноватый’; *пурысялэс* ‘сероватый’; *вожпыръем* ‘зеленоватый’; *лызпыр* ‘синеватый’; *голькытпыр* ‘розоватый’ и др.

В татарском языке для этой цели употребляются форманты *-гылт / -гелт, -су, -ылҗым / -елҗем* и др. Например: *саргылт* ‘желтоватый’; *яшькелт* ‘зеленоватый, с зеленью’; *күгелҗем* ‘синеватый, с синим оттенком’; *каралҗым* ‘черноватый’; *зәңгәрсу* ‘с голубизной’ и т. д.

Помимо аффиксальных форм в обоих языках существуют аналитические формы выражения значений цвета.

В значении превосходной степени прилагательного, для выражения высшей степени концентрации цвета наиболее частотными в речи удмуртов являются редупликации: *сьӧд-сьӧд* ‘черный-черный’: *сьӧд-сьӧд пилем лыктэ* ‘очень черная туча надвигается’; *тӧдьы-тӧдьы* ‘белый-белый, очень белый’: *тӧдьы-тӧдьы мел* ‘белый-белый мел’; *горд-горд* ‘красный-красный’: *горд-горд боры бичаны кошким* ‘красную-красную клубнику ушли собирать’; *лыз-лыз* ‘синий-пресиний’: *лыз-лыз буёл* ‘синяя-пресиняя краска’; *ӵуж-ӵуж* ‘желтый-прежелтый’: *<...> ӵуж-ӵуж гынэ кылёз ук аналы быдэ аран удысэ <...>* [Кельмаков 2015: 110] ‘желтым-желто ведь останется в каждом поле мой участок жатвы’ и т. д.

Нужно отметить, что в татарском языке форма интенсива может быть образована так же: *күк йөзе зәңгәр-зәңгәр!* ‘небосвод голубой-голубой!’ Однако чаще наблюдается неполный повтор, то есть повторяется только один слог, иногда в трансформированной форме: *кып-кызыл* ‘очень красный’, *сап-сары* ‘очень желтый’, *кап-кара* ‘черный-пречерный’ и т. д.

Еще один аналитический способ, позволяющий выразить превосходную степень прилагательного, заключается в использовании в качестве модификатора частиц и слов с самостоятельным лексическим значением: *чем кара* ‘очень черный’; *том кара* ‘очень черный’; *чем ак* ‘кипенно-белый’ и др.

Что касается таких частиц, Ф. М. Хисамова указывает, что они используются именно с цветообозначениями и только с некоторыми другими прилагательными [Хисамова 2006: 121]. Особенности подобных частиц при образовании татарских колоронимов и других прилагательных раскрыты также в «Словаре трудностей татарского языка» [Сабитова и др. 2019: 173].

А из полнозначных лексем для усиления значения служат *җәте* (букв. ‘острый, резкий’) ‘яркий’; *ачык* (букв. ‘открытый’) ‘яркий’; *куе* (букв. ‘густой’) ‘насыщенный’; *кучкыл* (букв. ‘густой’) ‘насыщенный’ и др.; *җәте кызыл* ‘ярко-красный’; *кучкыл кызыл* ‘темно-красный’ (особенно характерно для разговорной речи); *куе көрән* ‘темно-коричневый’ и т. д.

Аналогичные аналитические формы цветообозначений есть и в удмуртском языке, и для передачи наибольшей интенсивности цвета употребляются практически такие же по функционалу лексемы: *чебер* (букв. ‘красивый’) ‘яркий’; *неймыт* (букв. ‘темный’) ‘насыщенный’ и *нап* (букв. ‘густой, плотный, частый’) ‘насыщенный’: *чебер горд сяська* ‘ярко-красный цветок’; *неймыт вож обойёс* ‘темно-зеленые обои’; *нап вож тус* ‘темно-зеленый цвет’; *нап ӵуж / нап тюж* ‘темно-желтый’; *наб луд* ‘темно-коричневый’; *чебер вож турын* ‘ярко-зеленая трава’; *нап ӵуж тыпы куар / нап тюж тыпы куар* ‘темно-желтый дубовый лист’; *нап луд кӧс куар* ‘темно-коричневый сухой лист’ и др.

Для образования названий менее насыщенных, неинтенсивных оттенков в удмуртском функционируют лексемы *югыт* (букв. ‘освещенный’) ‘светлый’; *кизер* (букв. ‘жидкий’) ‘бледный, размытый’: *югыт-чагыр* ‘светло-голубой’; *югыт-лыз дэрем* ‘светло-синее платье’; *югыт-вож тэркы* ‘светло-зеленая тарелка’; *кизер-чагыр* ‘светло-голубой, голубоватый’; *кизер-ӵуж* ‘светло-желтый’; *кизер-голькыт* ‘светло-розовый’; *кизер-вож* ‘светло-зеленый’ и т. п.

В татарском в таких случаях используются аналогичные слова: *сыек* (букв. ‘жидкий’) ‘бледный, размытый’; *аксыл* (букв. ‘беловатый, белесый’) ‘бледный’; *тоныk* (букв. ‘мутный’) ‘неяркий, размытый’ и др.: *сыек зәңгәр* ‘бледно-голубой’; *тоныk төс* ‘неяркий цвет’; *аксыл зәңгәр* ‘бледно-голубой’ и т. д.

Для обозначения сочетаний цветов, присутствующих где-то, на чем-то одновременно, рядом, в обоих языках существует бесконечное множество аналитических форм, как правило парных слов: *ӵужо-вожо* ‘желто-зеленый’: <…> *ӵужо-вожо, ой, лемтаме кирос бордам думелэ* <…>

[Кельмаков 1990: 182] ‘желто-зеленые, ой мои ленты к кресту моему привяжите’; *ак-кара* ‘черно-белый’, *кукле-яшелле* ‘сине-зеленый’ и т. п.

Очень часто цветообозначения образуются на основе сравнения. Так, в разговорной речи в разных языках много синтаксических конструкций типа ‘цветом похожий на молоко’, ‘похожий на цвет сажи’ и т. п. Но не каждая из них приобретает статус нерегулярного образования. А. Вежбицкая, подчеркивая важную роль сравнения, подчеркивает: «<...> универсальная или почти универсальная черта человеческого общения, связанного с видением, – это или, более точно, универсальное понятие подобия в передаче зрительных ощущений» [Вежбицкая 1996: 234]. На наш взгляд, именно на понятии подобия основывается образование большинства самых специфичных для каждой культуры цветообозначений, служащих для передачи результатов зрительного восприятия.

В удмуртском языке употребительными являются такие цветообозначения, как: *алтын зундэскек* (букв. ‘как золотое кольцо’) ‘золотистый’; *зундэс тусъем* (букв. ‘цвета кольца’) ‘золотистый’; *лимон тусъем* (букв. ‘цвета лимона’) ‘ярко желтый, лимонно-желтый, лимонный’; *инь тусъем* (букв. ‘цвета неба’) ‘небесно-голубой’; *пень тусъем* (букв. ‘цвета пепла’) ‘пепельный’ и т. п.

В татарской разговорной речи этот вид сложных колоративов особенно активен: *чия кызыл* (букв. ‘вишня красный’) ‘вишневый’; *кирпеч сары* (букв. ‘кирпич желтый’) ‘оранжевый’; *кан кызыл* (букв. ‘кровь красный’) ‘кроваво-красный, багровый’; *кишер сары* (букв. ‘морковь желтый’) ‘оранжевый’; *шомырт кара* (букв. ‘черемуха черный’) ‘черный-пречерный’; *бакыр кызыл* (букв. ‘бронза красный’) ‘ярко-рыжий или красно-коричневый’; *ут кызыл* (букв. ‘огонь красный’) ‘огненно-красный’ и др.

Как можно судить по этим примерам, специфичные для каждой культуры особенности в восприятии и оценке цвета наиболее часто отражаются в названиях, основанных на сравнении.

Для разговорно-бытового дискурса также характерно активное употребление колоративов в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок: *горд лымы усем бере* [Дзюина 1967: 34] (букв. ‘когда красный снег выпадет’) ‘никогда’; *вож кунян* (букв. ‘зеленый теленок’) ‘новорожденный теленок, теля, тютя’ (о беспомощном человеке); *вож турын куртчем* (букв. ‘зеленой травы откусил’) ‘белены объелся’; *сьӧд синкылиен бӧрдыны* (букв. ‘черными слезами плакать’) ‘сильно горевать, сожалеть’ [Егоров 2011: 81].

Это однозначно относится и к татарскому языку: *җәте кызыл тиз уңа* (букв. ‘ярко-красный быстро линяет’) ‘о слишком пылком, но непоследовательном человеке’ [Гаффарова, Саберова 2006: 66]; *ак-караны аермау* (букв. ‘не различать белого и черного’) ‘быть неопытным, не раз-

бираться (в людях, в добре и зле)' [Гаффарова, Саберова 2006: 16] и т. п. Особенно распространены устойчивые выражения с такими компонентами-колоративами, как *ак* 'белый' и *кара* 'черный'.

Предпринятая попытка анализа использования колоронимов в удмуртском и татарском языковом сообществах позволяет сделать некоторые обобщенные выводы об особенностях восприятия цвета и вербализации значений цвета:

– колоративы, во всех их структурных видах и формах, наиболее полно реализуют свой функциональный потенциал именно в бытовом дискурсе, так как здесь отсутствуют определенные стилистические и иные ограничения;

– специфичные для каждой культуры особенности в восприятии и оценке цвета наиболее часто отражаются в названиях, основанных на сравнении;

– языковая концептуализация различна в разных культурах, хотя и демонстрирует элементы сходства даже в неконтактирующих сообществах. А такие лингвокультуры, как удмуртская и татарская, объединенные столетиями культурного контакта, неизбежно несут следы взаимовлияния и взаимопроникновения, особенно на уровне лексики и фразеологии.

Источники

Гаффарова Ф. Ф., Саберова Г. Г. Татарско-русский словарь идиом. Казань: Алма-Лит, 2006. 232 с.

Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск: Удмуртия, 1967. 131 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990. 368 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: https://udmcorpus.udman.ru

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. Казан: ТӘhСИ, 2015–2021.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2020–2024.

Литература

Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. С. 231–291.

Дубинина Н. В. Реализация лингвокреативного потенциала колоративов в речевой деятельности // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 2. С. 81–87.

Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской). Екатеринбург–Ижевск, 2011. 200 с.

Сабитова И. И., Сафина Э. И., Тahирова Ф. И. Татар теленең кыенлыклар сүзлеге. Казан: ТӘhСИ, 2019. 184 б.

Тагирова Ф. И., Акулина Л. В. Ассоциативные значения красного цвета в татарской и удмуртской языковых картинах мира // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики: сб. ст. Ижевск, 2017. С. 352–360.

Харченко В. К. Креатив разговорного дискурса // Лингвистика креатива – 2. 2-е изд. Екатеринбург, 2012. С. 147–164.

Хисамова Ф. М. Татар теле морфологиясе. Казан: Мәгариф, 2006. 335 б.

Tagirova F. I., Chumarina G. R., Akulina L. V. Lexico-semantic features of expression means of the concept of «yellow» in the tatar and udmurt languages (on the basis of corpora and paper dictionaries data) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал. 2016. № 3 (22). URL: http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=22